

За окном — кромешная тьма. Но если посмотреть вверх, на склоне горы виднелись редкие огоньки — их цель.

Чжоу У глянул на часы. Полночь.

Если бы кто-то не дал ему горячей воды во сне, он, пожалуй, оставил бы полжизни в этой машине.

Дождь, кажется, прекратился. Чжоу У натянул резиновые сапоги и, выбираясь, чуть не ухнул ногой в грязевую лужу.

Дорога, похоже, была когда-то подлатана — идти ещё можно, но из-за дождя она превратилась в скользкое месиво.

— Хорошо хоть дождь перестал, а то было бы куда хуже, — заметил очкарик. Его звали Дин Чэн.

У Яо не выдержал:

— А мы что, не могли дожждаться рассвета и подняться утром?

Вопрос повис в воздухе, и лица у всех скривились.

Эта поездка была организована в спешке. Предыдущий выпуск сняли ещё в прошлом году, но показали только в этом — и он вызвал шквал реакций.

Одни зрители требовали продолжения. Другие не верили, что настолько жуткая деревня вообще существует, и обвиняли программу в мистификации.

Начальство увидело рейтинги — резко вверх! — и ажиотаж, пусть даже наполовину из хейта. Но в наши дни чёрный пиар — тоже пиар. Приказ был отдан немедленно: снимать следующий выпуск.

Только вот свадебный обряд в этой деревне проводился раз в год. Не успеешь — жди следующего.

Одно слово сверху — а внизу ноги ломай.

Выбора не было: пришлось нестись сломя голову посреди ночи.

Сегодня в шесть утра деревня вступала в подготовительную стадию свадебной церемонии.

Чтобы снять всё от начала до конца, нужно было успеть до рассвета.

— Бюджет в этот раз хороший. Потерпим, а вернёмся — я всех веду в ресторан, — подбодрил Хэ Хай.

Промозглый холод бил словно колдовское проклятие. Двух шагов хватило, чтобы Чжоу У перестал чувствовать ноги в резиновых сапогах.

Одет он был тепло — и всё равно ни капли тепла не ощущал.

Чжоу У от природы мёрз. Без грелки или электроодеяла ему была гарантирована ночь с ледяными руками и ногами.

Впрочем, двадцать с небольшим — молодость берёт своё. Минут через пятнадцать ходьбы тело начало согреваться.

Горы стояли в мёртвой тишине. Странно тихие горы. Обычно в лесу слышны птицы, шорох мелких зверьков — но здесь, кроме тихого шелеста листвы, не было ни звука.

Шаги их восьмерых — семь человек плюс девчонка — гулко разносились в горной тиши.

Хэ Хай на ходу расспрашивал девушку.

Её звали Цай Фан. Только исполнилось восемнадцать. Мать — из деревни, отец — из соседнего посёлка, держал ту самую забегаловку на перевале.

Цай Фан предупредила:

— В деревне чужаков не любят. Так что ведите себя потише.

— Да почему? Это ж странно! — не унимался У Яо. — Приезжие — это же экономика, деньги! Тут ведь, я смотрю, доход на душу населения и двух тысяч не наберётся?

Цай Фан сжала губы в улыбке и пожала плечами:

— Я-то почём знаю, мама так говорит. Лучше не снимайте то, что снимать нельзя.

Сказав это, она бросила взгляд на Чжоу У:

— А тебе сколько лет, братец?

Чжоу У не успел ответить — У Яо встрял:

— Ого, у девушки глаз-алмаз! Перед тобой — первый красавец нашей группы!

Чжоу У сказал Цай Фан:

— На четыре года старше тебя.

Цай Фан улыбнулась ему — и почему-то от этой улыбки Чжоу У стало не по себе.

Она усмехнулась многозначительно:

— В самый раз.

— Что «в самый раз»? — не понял Чжоу У.

Но Цай Фан сменила тему:

— Да ничего.

Разговор оборвался. Долгое время никто не открывал рта.

Вдруг У Яо спросил:

— Вы... слышите? Какой-то звук?

Ху Юй обернулся:

— Не нагоняй жути. Какой ещё звук?

Но Дин Чэн нахмурился:

— Кажется, и правда...

Словно в подтверждение слов У Яо — в следующий миг тёмная тень метнулась по кустам у дороги. Шорох листы — отчётливый, громкий.

Все видели.

— Что... что это было? — дыхание у всех разом перехватило.

Чжоу У предположил:

— Может, белка?

— Какая, на хрен, белка?! У белки что, ожирение последней стадии?! Эта штука была здоровая! — голос У Яо ходил ходуном.

Чжоу У: «...» Ну, в общем, да. Логично.

— Почти дошли. Не обращайтесь внимания, шагайте быстрее, — голос Хэ Хая звучал более-менее ровно.

Все прибавили шагу. Дальше шли молча — только Хэ Хай изредка перебрасывался парой фраз с проводницей. Больше — лишь топот ног.

Чжоу У спрятался в пальто и шарф по самые глаза, ориентируясь лишь по лучу фонарика У Яо.

Он шёл, уставившись себе под ноги — лишь бы не угодить в лужу.

И на ходу вдруг задумался: кто же дал ему воды во сне?

Он помнил только руку.

Но в такой холод все прятали руки в карманы.

Он шёл и думал, и от этой сосредоточенности слух обострился.

Тук-тук-тук...

Шаги в колонне — разного ритма, глубины, скорости. И вдруг Чжоу У ощутил что-то... неправильное.

Прислушавшись внимательнее, он наконец понял, в чём дело.

Лишний шаг.

Он слушал их шаги уже минут пятнадцать и мог поклясться: до какого-то момента — и после —

ритм изменился.

У каждого человека своя походка. Лишний шаг пытался кому-то подражать, но изредка сбивался.

И тогда — чужой звук становился слышен.

Не то чтобы у Чжоу У были какие-то сверхспособности. Просто он — дипломированный диктор. Привык слушать, привык говорить больше других. Чувство ритма у него было профессионально отточено.

— Кто?! Кто там сзади?! — пронзительный крик разрезал тишину.

Кто-то закричал — все разом остановились и обернулись.

В хвосте колонны — непонятно когда — появился чёрный силуэт.

Когда строй замер, тень тоже замерла.

Невысокая фигура, длинные руки, короткие ноги. В скудном свете угадывалось широкое лицо, крупный нос, вытянутая пасть.

Чжоу У мгновенно покрылся холодным потом. Чей-то фонарик молниеносно метнулся лучом в ту сторону.

Но существо шарахнулось от света — мелькнуло на долю секунды и скрылось.

Однако этой доли секунды хватило. Все втянули воздух сквозь зубы и переглянулись.

— Что... что это такое? — заикаясь, выдавил Чжоу У, разбив повисшую тишину.

У Яо чуть не подпрыгнул на месте:

— Твою ж! Я понял! Это... это стопудово морская обезьяна!!

Чжоу У: «...» Ну, допустим, морские обезьяны вообще существуют — но они, как бы, «морские». Им положено хотя бы рядом с водой обитать!

Ху Юй крикнул:

— Оно убежало! На дерево залезло!

Чжоу У повернул голову — и увидел, что тварь висит на дереве совсем рядом с ним. Раздался звук, похожий на «ааоу» — и в следующий миг она исчезла.

Чжоу У — ближе всех — застыл на месте. Сердце колотилось как бешеное.

Он стоял близко. И, кажется, успел разглядеть лицо. Длинный нос, широкий рот.

От этой нелепой, пугающей морды у него перехватило дыхание.

Все замолчали.

У Яо стоял рядом и трясся, как в лихорадке. Дрожь передалась Чжоу У.

Чжоу У шумно выдохнул:

— У Яо! Хватит трястись!

— Не могу остановиться! Мне страшно! — тот был на грани слёз.

Пока все стояли бледные как мел, не в силах выдать ни слова, звонкий смех Цай Фан разрядил обстановку:

— Ой, да чего вы перепугались! Это обезьяна! Обезьяна!

У Яо взвизгнул:

— Обезьяна?! Какая обезьяна ходит строем в колонне?!

Цай Фан объяснила:

— Здешние обезьяны раньше жили у людей — их отпускали на волю или ловили для цирка. Обезьянки — мастера подражать. Видно, случайно наткнулись на нас, вот и пристроились.

Хэ Хай хлопнул себя по лбу:

— Ах ты ж! Я и забыл — в прошлом выпуске про это же рассказывали! Вы что, никто пересматривать не стал?

После его слов несколько человек постепенно вспомнили: и правда, что-то такое было.

Напряжение спало, хотя нервы по-прежнему были натянуты.

— Ладно, пошли быстрее. Время поджигает, — скомандовал Хэ Хай.

Все двинулись дальше.

Чжоу У вдруг вспомнил:

— Значит, тот чёрный силуэт, который я видел из машины, тоже был обезьяной?

У Яо, только начавший расслабляться, снова напрягся:

— Какой ещё силуэт?

— По дороге сюда. Я заметил тёмную фигуру на обочине — мелькнула и исчезла. Наверное, юркнула в заросли.

Говоря это, Чжоу У, впрочем, вспоминал, что та тень была довольно высокой.

У Яо, однако, принял объяснение на веру:

— Не пугай меня. Я реально чуть не описался. В машине воды перепил.

Ещё через пятнадцать минут они увидели первое строение — деревянный дом.

Дом выглядел нежилым. Пошли дальше по тропинке.

Когда земля под ногами сменилась каменными плитами, они — аккурат к шести утра — наконец добрались до деревни.

— Пойдёмте, устрою вас на ночлег. У моего двоюродного брата есть свободные комнаты.

Цай Фан повела их окольным путём вокруг деревни к глинобитному дому. Дом был просторный, но уступал другим деревенским постройкам.

Впрочем, «роскошь» здесь означала лишь то, что глинобитные стены сменялись каменной

кладкой.

Цай Фан толкнула дверь и сказала, что скоро придёт её двоюродный брат и всем займётся. И ушла.

Вскоре из дома вышел молодой парень. Увидев их, широко улыбнулся:

— Приехали? Пойдёмте, покажу комнаты!

Комнаты оказались чистыми, но скромными до предела: угольная жаровня — грейся сам, электроодеял нет и в помине.

И всё же группа осталась довольна — условия были куда лучше, чем в прошлый раз.

Узнав подробности, Чжоу У обалдел:

— В прошлый раз вы жили в палатках?! Не замёрзли насмерть?

Дин Чэн усмехнулся:

— Как видишь, живы.

У Яо и Чжоу У достался один номер на двоих. Ху Юй — крупный — занял комнату один. Остальные разбились по парам.

Двоюродный брат — его звали Цай Юй — дождался, пока все разложат вещи, и наказал:

— Не снимайте что попало. Завтра утром я сам вас отведу. Туристы и раньше приезжали, но если наснимают лишнего — проблем не оберёшься.

— Каких проблем? — любопытствовал У Яо.

Цай Юй замялся:

— Об этом вам лучше не знать.

Хэ Хай кивнул:

— Понимаем. Не переживай, мы снимаем только свадьбу. В прошлый раз толком ничего не

вышло.

Группа поболтала с Цай Юем ещё немного. Выяснилось, что к нему и раньше приезжали журналисты из других изданий — он всех принимал и знал деревенского старосту.

Цай Юй добавил:

— Свадьбу можно снимать только до входа в зал для церемонии. Дальше — нельзя. Обычая «потешать молодых» у нас нет — новобрачные сразу уходят в спальню.

У Яо спросил:

— Ну, в спальню-то понятно, камеру на кровать не поставишь, ха-ха. Но почему нельзя снимать саму церемонию — поклоны?

Цай Юй пожал плечами:

— Просто нельзя. Деревенские правила. Я и сам толком не знаю — только старейшины в курсе.

Хэ Хай закивал — мол, всё понял, правила есть правила.

Когда стали готовить оборудование, Ху Юй не удержался и шепнул Хэ Хаю:

— Шеф, давай начистоту. Наш канал — зрители хотят жути. Если мы будем паиньками — провал. Надо хоть церемонию снять.

Хэ Хай, не поднимая головы от бумаг, ответил:

— На месте сориентируемся.

Все понимающе протянули: «А-а-а...»

Когда подготовка была закончена, снаружи рассвело — мутное, серое утро, окутанное дымкой.

Выйдя к деревенским воротам, вся группа замерла.

Невесты — в ярко-алых свадебных платьях — стояли вдоль главной улицы через каждые три метра и шли вперёд.

Они двигались в идеальном порядке: даже длина шага у всех была одинаковой.

Цай Юй объяснил: это репетиция. Во время настоящей церемонии невестам накроют лица покрывалами — видно будет плохо, вот и прохаживают маршрут заранее.

Никто не проронил ни слова: эта картина в сочетании с хмурым небом пробирала до костей.

По обеим сторонам улицы жители стояли на порогах своих домов. Двери — все до единой — были распахнуты.

Чжоу У вспомнил: в его родном городе на свадьбы всегда сбегалась детвора — поглазеть на невесту. Но здесь — может, из-за раннего часа — на улице не было ни одного ребёнка.

Ещё страннее было другое: жители, стоящие на порогах, были почти лишены выражения лиц.

Увидев съёмочную группу, они нахмурились — в глазах мелькнула настороженность.

Цай Юй поздоровался с несколькими — почти никто не ответил. Он обернулся к группе и негромко сказал:

— Держимся в самом конце колонны. Ничего не говорим, ничего не спрашиваем.

Хэ Хай кивнул:

— Понял.

Чжоу У предстояло быть в кадре: он нанёс немного консилера, чтобы скрыть синеву под глазами, накопившуюся за дорогу.

Двери домов по обеим сторонам улицы — внутрь снимать запрещено.

Невесты шли с непроницаемыми лицами, безучастные, словно деревянные.

Группе запретили проводить самостоятельные интервью, так что оставалось лишь давить в себе любопытство.

Метров через пятьдесят процессия впереди замедлилась.

Они заметили: на определённом участке невесты шли медленнее. Особенно — напротив одной большой, богато выглядящей усадьбы.

Красные двери, серо-голубая черепица — и всё словно только что отремонтировано. Самое внушительное строение во всей деревне.

Проходя мимо ворот этой усадьбы, Чжоу У ощутил что-то необъяснимое. Будто нечто тянуло его — магнитом — повернуть голову и заглянуть внутрь.

Чувство было странным, почти физическим. И Чжоу У не устоял — бросил один-единственный взгляд.

И от этого взгляда внутри всё задрожало. Дыхание участилось. По телу прошёл озноб.

За воротами — дорожка из каменных плит, дальше — главный зал. В зале, у стены, стоял человек.

Очень бледная кожа. Глаза — устремлены прямо на вход. В руках что-то держал — не разобрать.

А на поперечной балке зала висел чёрно-белый портрет, написанный тушью. На бумаге виднелись тёмно-бурые пятна.

Портрет был невелик, и разглядеть его толком не удавалось. Да и Чжоу У решился лишь на один взгляд.

Но этого хватило, чтобы понять: на портрете — мужчина, с правильными чертами. Даже с такого расстояния было ясно, что это, должно быть, красивый мужчина из другой эпохи.

Волоски на загривке Чжоу У встали дыбом. Ему неотвязно казалось, что лицо на портрете вот-вот шевельнётся.

Когда он перевёл взгляд на другие дома, то обнаружил: в каждом доме, за каждой открытой дверью, висел портрет.

<http://bllate.org/book/22494/2373446>